

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2021-10-2-577-584>

СВОБОДА И (СО)БЫТИЕ: МАРШРУТЫ
AN-ARCHE ПО ЛАДШАФТАМ ФЕНОМЕНОЛОГИИ.
ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ ДЖОЕРИ ШРАЙВЕРСА
«АНАРХИЗМ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ»

МАРИЯ РАХМАНИНОВА

Доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
192238 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: mariarakhmaninova@gmail.com

Вниманию читателя предлагается вводная статья к переводу работы голландского философа Джоери Шрайверса «Феноменологи и анархизм», посвящённая рецепции актуальных зарубежных траекторий феноменологической и акратической рефлексий из перспективы современного российского академического дискурса. В свете этого предпринимается попытка оценить значимость и оригинальность исследования Дж. Шрайверса, сфокусированного на концептуальной стыковке двух философских традиций: феноменологии и философии анархизма. Ценность заявленного авторского ракурса, обеспечивающего возможность ревизии классических феноменологических текстов, артикулируется как связанная с его методологической новизной — не только для русскоязычного пространства, но и для зарубежной философии; приводится обзор и анализ центральных тезисов статьи, связанных с ключевыми фигурами намечаемой автором линии преемственности акратической рефлексии в феноменологической традиции, среди них: М. Хайдеггер, Р. Шюрманн, Э. Левинас, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, Ж.-И. Лакост, К. Романо и Ж.-Л. Марион. Также в статье выстраиваются теоретические связи между выявляемыми Дж. Шрайверсом анархистскими основаниями ряда феноменологических рефлексий и онтологическими акцентуациями других актуальных философских тенденций — например, акторно-сетевой теорией и полифонией новых материализмов.

Ключевые слова: философия анархизма, анархизм, феноменология, акратическое, междисциплинарность, an-arche, anarchist studies.

© MARIA RAKHMANINOVA, 2021

FREEDOM AND (CO)BEING: AN-ARCHE'S ROUTES THROUGH
THE LANDSCAPES OF PHENOMENOLOGY.
PREFACE TO JOERI SCHRIJVERS' ARTICLE
"ANARCHISM AND PHENOMENOLOGY"

MARIA RAKHMANINOVA

DSc in Philosophy, Professor.
St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
192238 St. Petersburg, Russia.
E-mail: mariarakhmaninova@gmail.com

We offer an introductory article to the translation of Dutch philosopher Joeri Schrijvers' work *Phenomenologists and Anarchism*, which deals with the reception of current foreign trajectories of phenomenological and akratic reflexions from the perspective of contemporary Russian academic discourse. In the light of this, an attempt is made to assess the significance and originality of J. Schrijvers' study, focused on the conceptual juxtaposition of two philosophical traditions: phenomenology and the philosophy of anarchism. The value of the author's stated perspective, which provides an opportunity to revise the classical phenomenological texts, is articulated as being related to its methodological novelty—not only for the Russian-speaking space, but also for foreign philosophy; a review and analysis of the central theses of the article, related to the key figures of the line of succession of acritical reflection in the phenomenological tradition, which is outlined by the author, is given, including: M. Heidegger, R. Schürmann, E. Levinas, J. Derrida, J.-L. Nancy, J.-I. Lacoste, C. Romano and J.-L. Marion. The article also builds theoretical connections between the anarchist foundations of a number of phenomenological reflections identified by J. Schrijvers and the ontological accoutrements of other current philosophical trends—for example, the actor-network theory and the polyphony of new materialisms.

Keywords: anarchist philosophy, anarchism, phenomenology, akratic, interdisciplinarity, an-arche, anarchist studies.

Среди зарубежных философских исканий, незаслуженно мало интегрированных в русскоязычное поле, одно из наиболее ярких разворачивается в философском регистре *anarchist studies*. Прерванная в СССР по объективным историческим причинам в 1920-е гг., большую часть XX века анархистская философская мысль развивалась преимущественно за рубежом, в отрыве от своих изначальных русских корней, связанных с именами М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Внимая новым тенденциям в знании о человеке и мире, и активно работая над их рецепцией из своей социально-философской и этической перспективы, постепенно она всё больше дополняла и уточняла собственные теоретические основания, некогда заданные концептуальным консенсусом теоретиков анархизма рубежа XIX–XX вв. Обрастая новыми темами, ветвясь новыми вопросами и сюжетами, производя ревизию своих классических текстов сквозь призму ка-

ждой новой современности, а также вступая в многочисленные теоретические и практические междисциплинарные коллаборации, зарубежная анархистская мысль постепенно обогатилась новыми содержаниями, методами и ракурсами.

Наибольшую известность снискал проект постанархизма, представляющий собой анархистскую рецепцию постструктуралистской онтологии и методологии. По мере появления первых переводов на русский язык текстов о постанархизме, дискуссии о его теоретической и практической состоятельности стали постепенно захватывать и постсоветское пространство. И хотя, в отличие от Запада, рефлексия о постанархизме протекает в нём отнюдь не по следам уже воспринятого постструктурализма, но — по историческим причинам — параллельно с его восприятием, всё же мы можем говорить об основаниях для надежды на её благоприятный исход — вероятно, даже в некоей специфической постсоветской версии.

Гораздо меньше освещено взаимодействие анархистской философии и феноменологии. Предпринятый перевод текста Джоери Шрайверса — один из первых шагов в этом направлении. В чём заключена ценность такой коллаборации для обоих течений, и что делает желательной её интеграцию в русскоязычное пространство?

Аксиологически, онтологически и эпистемологически обе традиции отталкиваются от темы освобождения и составляют концентрированные дискурсы о свободе: заряженный безначалием *an-arche*, анархизм стремится освободить мир и населяющих его людей (в некоторых направлениях — также и не-людей) от всего, что нарушает их таковость; феноменология же стремится освободить вещи от контаминаций сознания, психологии и всего случайного, не относящегося к вещам и их способам схватывания-предъявления. В этом смысле для феноменологии анархистская перспектива может служить одной из неочевидных, но весьма удобных дедуктивных «точек входа» со стороны регистра политического: она фактически задаёт контекст для исходной внутренней интенции феноменологии, позволяя, во-первых, удерживать смысловую связность и внутреннюю необходимость феноменологического исследования, и, во-вторых, обеспечивать выход сложных построений и пространственных дескрипций к миру, защищая их от герметичной и отвлеченной декоративности. В своей статье «Анархизм и феноменология» Джоери Шрайверс (Schrijvers, 2017) как бы подхватывает *an-arche* — вслед за несколькими яркими предшественниками, но ещё более артикулированно — и вверяет его феноменологии, чтобы усилить её и инициировать взаимодействие этих двух фундаментально родственных, но исторически автономных традиций.

Что касается анархистской перспективы, то для неё феноменология оказывается существенным расширением, позволяющим ставить вопрос о бытии вещей — что особенно значимо в связи с сегодняшней актуализацией дискурсов новых материализмов: центральный для них компонент сетевой структуры с очевидностью унаследован ими и предшествующей им акторно-сетевой теорией именно из дискурсов и практик анархизма разных эпох — от классиков до Урсулы Ле Гуин. Стыковка же с феноменологией позволяет из акратической перспективы прояснить и уточнить в этой парадигме компонент нечеловеческих «акторов» («актантов») и их взаимодействий (Rakhmaninova & Goncharko, 2021). До новых материализмов феноменология была, пожалуй, единственным направлением, проблематизировавшим автономию не-людей.

Так, для размышления об интенсивности и своеобразии их бытия французский феноменолог Жан-Люк Марион вводит специальное понятие «насыщение феномена», подразумевающее возможность для феномена быть самим собой: «“Насыщенный феномен” отнюдь не конституируется субъективностью, но сам конституирует меня, делая меня доступным самому себе с помощью доступа к феноменам как таковым. Именно этот процесс Марион полагает местом производства реальности данного», — отмечает Дж. Шрайверс, подчёркивая значимость «изобилия» и «восторга», из захваченности которыми «Марион обращается к самым истокам феноменологии как перспективы — к нашим “банальным” встречам с вещами» (Schrijvers, 2017, 487). Это вполне созвучно и феноменологическим поискам Гастона Башляра, работающего с поэтическим (здесь и далее — в башлярском смысле), свободным как от конституирования субъективностью, так и от редукции к внешне-объективному, утилитарному. Это объясняет и задачу, которую Хайдеггер ставит перед феноменологом — «быть немного волшебником, чтобы выявить и осветить всё, что остаётся скрытым» (Schrijvers, 2017, 490).

Возникающая в этом искании тема эмансипации вещей и феноменов делает поэтическое значимым не только для религиозной перспективы (в случае Мариона интенсивности бытия феноменов связаны с Богом), но также и для перспективы материалистической. Об этом свидетельствуют такие её современные представители, как Джейн Беннет, Роза Брайдогги, Донна Харауэй, Анна Цин, Карен Барад и многие другие. Так, Дж. Беннет говорит о «культуре вещей, не сводимой к культуре объектов» (Bennet, 2018, 29) и склонности виталистических материалистов поддаваться «очарованию объектов», «поскольку мгновения очарованности — это ключ от витальной материальности, общей для нас и для объектов одновременно. Это чувство странной и неполной

общности с Внешним побуждает нас более бережно, осознанно и экологично относиться к не-людям — животным, растениям, земле, даже к материальным предметам и товарам» — заключает Дж. Беннет (Bennet, 2018, 42).

Таким образом, ревизия и новая рефлексия поэтического лишь на первый, самый поверхностный взгляд кажется исключительно идеалистическим изысканием. В действительности же феноменологическое переоткрытие поэтического обеспечивает возможность подлинного спасения материализма после краха материализмов модерности — в том числе позитивизма и вульгарного материализма марксистско-ленинского типа. Поэтическое в этом смысле выступает как условие феноменологического, обеспечивающее возможность распознавать не только ситуативно утилитарные аспекты вещей и феноменов, и не только их связь с сознанием, но и сложные измерения их свойств и взаимодействий, ускользающих от этих двух современных ракурсов. В этом смысле поэтическое оказывается своего рода доступом к материальности, а феноменологическая зачарованность автономией феноменов — предпосылкой для эпистемологической ревизии представлений о субъекте и объекте. Через снятие этой оппозиции в пользу более сложной эпистемологической конструкции, предлагаемой акторно-сетевой теорией (и наследующими ей проектами материализмов), в определённом смысле снимается также и классическая проблема непримиримости идеализма и материализма: переосмысленные, материя и сознание могут быть поняты как вступающие в иного рода взаимодействия.

Формируемая в контексте этих процессов новая материалистическая оптика создаёт возможность ревизии материалистических оснований в том числе философии анархизма (прежде всего, классического). С тех пор, как столетие назад фундировавшая её позитивистская перспектива исчерпала себя как релевантную современной эпистемологии, запрос на эту ревизию сохранялся, но с неизбежностью приводил лишь к неуверенному повторению отживших подходов и концептов прошлого — прежде всего, в антропологии и проблематике социального. Феноменологическая оптика оказывается одним из важных компонентов решения этой проблемы и делает возможной не только более тонкую детализацию в дальнейшем, но и возврат на новых основаниях — к текстам классиков анархистской мысли (прежде всего, к П. А. Кропоткину), ради их решительной реактуализации из новой перспективы.

Таковы некоторые значимые основания для стыковки анархистской мысли и феноменологии. В рамках работы над ней, Дж. Шрайверс обращается к источникам обеих традиций, делая, однако, упор на авторах феноменологического спектра. В поисках точки реактивации философии анархизма через

феноменологию и пересборки феноменологического исследования через анархистскую оптику, Дж. Шрайверс выстраивает линию Э. Гуссерль — М. Хайдеггер — Р. Шюрманн — Э. Левинас — Ж. Деррида — Ж.-Л. Нанси — Ж.-И. Лакост — К. Романо — Ж.-Л. Марион и пристально исследует их дискурсы на предмет акратического, последовательно связывая их в этом узловом компоненте друг с другом.

Так, предпринимая смелую рецепцию Хайдеггера, Дж. Шрайверс отталкивается от угла зрения, заданного его критикой «онтотеологии» (в шюрманновской версии — «онтической редукции»), указывающей на утрату бытия за фрагментарным сущим: прорыв сквозь неё как сквозь пелену, снижающую значимость внешнего мира (то есть фактически регистра политического — как фундаментального онтологического контекста), Дж. Шрайверс трактует как открытие иллюзорности и абсурдности любой власти, кроме власти над самим собой.

Этот акратический сюжет побуждает Дж. Шрайверса обратиться к Р. Шюрманну, ощутимо радикализирующему Хайдеггера, который, по его мнению, не решился дойти до конца в своей собственной логике. Так, расширяя *dasein* от человека до мира, Р. Шюрманн приступает к разработке теоретических оснований онтологического анархизма, обращённого к миру как к бытию-в-процессе. Понятый таким образом мир — «мир как событие» — предельно анархичен, не приручен, непокорен, поскольку любые конструкции власти ему не только не конгениальны, но и не соразмерны: ни одна властная система не властна не исчезнуть в потоке бытийствующего мира.

Акратическое Дж. Шрайверс высвечивает в принципе *différance* как акцентуации на процессуальности, а не вещи, на пластичности свойств явления в процессе существования, что вполне созвучно установкам анархистской философии на ситуативную пластичность, исторический индетерминизм, открытость и горизонтальность (консенсус относительно этих установок объединяет многочисленные направления анархизма). При таком чтении Деррида, длящаяся таковость мира, интересующая феноменологию, вполне может быть понята как принципиально несоразмерная не только статичной вещи, но и непроцессуальной конструкции власти, как «суверенность без конкретного суверена». Дж. Шрайверс справедливо отмечает заслугу дерридианской оптики в постепенном становлении чувствительности к вопросам экологии и онтологическому статусу животного: впоследствии это обстоятельство существенно расширяет область теоретических и практических поисков акратических учений и течений, а также существенно повлияет на всю картину мира, многочисленные практики и концепты современности.

Особого внимания в исследовании Дж. Шрайверса заслуживает фрагмент с оригинальным анализом акратического у Левинаса, фокусирующегося на идее принципиальной, «загадочной» (Schrijvers, 2017, 494) внесистемности человеческого бытия, вечно ускользающего от посягательств метафизически заряженных кратических систем. Среди философов анархистской традиции такой взгляд с очевидностью сближает Левинаса с представителем русского анархо-индивидуализма начала XX в., Алексеем Боровым, испытывавшим влияние как Философии жизни, так и активно развивающейся в те годы феноменологии. Движение за пределы системы для Левинаса оказывается движением в сторону бесконечности, бесконечной событийности.

В феноменологической оптике Ж.-Л. Нанси событие мира соединяется с полномасштабной политической философией.

Философию Нанси, — пишет Дж. Шрайверс, — лишь косвенно соотносящуюся с основоположениями феноменологии, можно рассматривать как поиск политических оснований, созвучных анархистской концепции развёртывания мира и истории. Для Нанси онтологический анархизм следует понимать в политическом контексте глобального мира, стоящего перед выбором: либо он уничтожит себя с помощью глобального капитализма, либо спасётся, создав новый системообразующий принцип, способный выдержать испытание временем. (Schrijvers, 2017, 497)

Пожалуй, первый из феноменологов, дискурсивно и артикулированно стыкующий феноменологическое и политическое, в этом «шве» Ж.-Л. Нанси достраивает старинный концепт, фундирующий классическую анархистскую этику — «бытие-вместе», подразумевая под ним, как метко замечает Дж. Шрайверс, «событийствование со всеми существами, брошенными вместе в немой материальности мира» (Schrijvers, 2017, 498). В этом смысле Шрайверсу удаётся выстроить и продемонстрировать линию концептуальной преемственности в восприятии окружающей среды и своеобразия её материальности (от Деррида к Нанси), с возрастающей отрефлексированностью и преднамеренностью единства феноменологического и политического. В свете этого проекта философия Нанси предстаёт как яркий пример снятия конфликта между европейским антропоцентризмом и утратой своеобразия человека в материализме модерна (и в этом снятии он близок множеству современных материалистов, работающих в анархистской перспективе — например, Урсуле Ле Гуин): продолжая линию М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина относительно онтологической антагонистичности мира («мира-события») и власти, а также встраивая человека в общий горизонт живого, он, с одной стороны, не утрачивает при этом уникальности человеческого, с другой — констатирует её способность «придавать смысл вещам и создавать

принципы, организующие общество и новые формы со-бытия» (Schrijvers, 2017, 498). В этом Дж. Шрайверс видит главный вклад Нанси в междисциплинарный проект стыковки анархизма и феноменологии (Schrijvers, 2017, 490).

Среди дискурсов новой феноменологии (Романо, Лакост, Марион) Дж. Шрайверс распознаёт акратическое в утверждении принципа горизонтальной множественности, открытой для всех аксиологически, этически и онтологически. Действительно, исторически эта установка фундировала всю социально-политическую часть философии анархизма, определяя траекторию его исторического пути. При этом рассматриваемая плюральность оказывается свободной от тотальности, предписывающей растворение в «неаутентичном *das Man*»: напротив, она обращена к открытому пространству взаимодействия аутентичных *das Ich* как узлов бытия. Также Дж. Шрайверс усматривает акратическое новой феноменологии в развитии и продолжении шюрманновского концепта «внечеловеческой фактичности» (Schürmann, 1990, 57), эмансипирующих событие настолько, что за ним предполагается способность конфигурировать и реконфигурировать личность его участников, обеспечивая их — чисто штирнеровское — своеобразие. «Анархичное свершение Бытия и есть событие мира, даже если это событие превышает нашу собственную «способность к свершению» (Schrijvers, 2017, 500), — заключает Дж. Шрайверс.

Таким образом, текст «Анархизм и феноменология» представляет собой смелый экспериментальный экскурс в то измерение феноменологических поисков, которое до сих пор практически не освещалось (тем более, в русскоязычном пространстве) — акратическое измерение. Линии преемственности, намечаемые Дж. Шрайверсом в этом дискурсивном странствии, позволяют составить представление о принципиальной значимости акратического компонента для феноменологии в целом, о многообразных траекториях его манифестации в различных концепциях и подходах, а также о глубоком родстве и взаимной ценности феноменологии и философии анархизма.

REFERENCES

- Bennet, J. (2018). *Pulsating Matter: the Political Ecology of Things*. Rus. Ed. Perm': Gile Press Publ. (In Russian)
- Rakhmaninova, M., & Goncharko, O. (2021). Between “Infirmity” and “Freedom”: To the Political History of the Concept of “Akrateia”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, 61, 62–79. (In Russian)
- Schrijvers, J. (2017). *Anarchism and Phenomenology*. Leiden: Koninklijke Brill NV.
- Schürmann, R. (1990). *Heidegger on Being and Acting*. Bloomington: Indiana University Press.